

1 Разговор третий. О жестокостях христиан.

Семинарист, вытаскивая из-за пазухи свежую книжку Эрмана: А я во чего купил!

Оптимист: Лучше бы Златоуста почитал.

Пессимист: Зачем же Вы так, коллега? Молодежь тянется к знаниям!

Оптимист: Какие знания? У Эрмана сплошные натяжки и провокации!

Семинарист: Провокации! Мммм!

Пессимист: Почему Вы сразу отмечаете обоснованную критику? Взять хотя бы тезис об эксклюзивности некоторых религий. Например, иудеи, христиане, мусульмане считают, что истинна только их религия, а другие религии отвергают. И когда власть попадает в их руки, они устраивают гонение на инакомыслящих. Все логично, не так ли?

Оптимист: Эрман сам же пишет, что так бывает не всегда.

Пессимист: Это неважно. Главное, что это справедливо в отношении христианства. Поистине кровавая религия!

Оптимист: Отдельные эксцессы еще не говорят о том, что это была одобряемая политика. И христиане особо никого не убивали.

Пессимист: Как насчет убийства Ипатии, Александрийской девы-философа толпой разъяренных христианских гопников? Есть даже подозрение, что санкция исходила от самого Кирилла Александрийского!

Оптимист: Нашли один пример, и давай с ним носиться. Ипатию убили люди, которые превратно поняли Библию. Таким деятелям всегда больше нравится Ветхий Завет, по понятным причинам. Их и христианами можно назвать с натяжкой. А святитель Кирилл тут не при чем! Александрия — огромный по тогдашним меркам город, серьезные трения в обществе. Он просто не мог все контролировать.

Семинарист, отрываясь от чтения Эрмановской книжки: Во чего нашел! Либаний пишет про разорение языческих капищ: “Это племя черноризцев, что едят больше слонов, а пьют столько, что певцы, сопровождающие их трапезы гимнами, устают петь...” (эта традиция, скажу я вам, сохранилась до наших дней! У нашего архиерея тоже по сто раз “многая лета” поют за трапезой) “... спешат нападать на храмы, вооружившись палками, камнями и железными прутьями, а иной раз, презрев это оружие, с голыми руками и ногами. Они разбирают крыши, сносят стены, сбрасывают наземь статуи, переворачивают алтари, а жрецы, видя это, должны молчать, или умереть”.

Оптимист: Это клевета ритор-язычника! Он все утрирует!

Пессимист: Смиритесь уже с подлинным историческим свидетельством.

Оптимист: Но ведь были и противоположные примеры! Святитель Григорий Богослов считал, что нужно действовать убеждением, потому что принуждаемый потом с еще большим упорством вернется к своей прежней вере.

Семинарист: Да уж. Иеговистов вот запретили... А они ведь есть где-то! Ушли в подполье и ждут своего часа, готовятся...

Пессимист: История с запретом деятельности Свидетелей Иеговы — возмутительна!

Оптимист: Попробуйте взглянуть на происходящее с точки зрения ревностного епископа-ортодокса. Если речь идет об избавлении душ от вечной муки, то ставка слишком высока, чтобы сидеть сложа руки. Неверное учение приводит людей к гибели. По сути язычник, еретик, отвращающий христиан от веры в Сына Божия — массовый убийца душ. Конечно, необходимо что-то противопоставить этой душепагубной деятельности. Как там Златоуст говорит про пастуха? Пока волк сидит в лесу, пастух его и не трогает, играет себе на свирели. Но когда волк пытается утащить одну из овец, он откладывает свирель, берет пращу и поражает волка.

Семинарист: О, да, простые решения! Еретика — камнем в лоб! Что-то я, помнится, читал про это у Иосифа Волоцкого, в “Просветителе”... Не этими ли цитатами из Златоуста он оправдывал сожжение еретиков-“жидовствующих”?

Пессимист: Да-да. Тринадцатая глава! Он еще приводит в подтверждение свидетельства из Ветхого Завета о геноциде хананеев, которое якобы санкционировано Богом.

Оптимист: Но ведь это мнение отвергли Кирилловские старцы-нестяжатели, ученики Нила Сорского! Они не согласились с тем, что смерть как результат действия Божия (даже по молитве Апостола) — то же, что убийство оружием. А ведь именно в этом был один из основных тезисов Иосифа! И вообще настаивали на том, что ответом на этот вызов должна быть молитва и христианское милосердие, ожидающее покаяния заблудшего.

Семинарист: Точно, отвергли. Нестяжатели даже пишут Иосифу, дескать, если ты оправдываешь казнь еретиков ссылкой на Льва Катанского (который взял за руку еретика и стоял с ним в костре, пока тот не сгорел) то для начала покажи, что ты можешь поступить как Лев Катанский. Остроумно!

Пессимист: Трагично! Вассиан Патрикеев писал ответ Иосифу из тюрьмы. Его вскоре умили иосифляне.

Оптимист: Ну, не надо драматизировать. Это было политическое дело. Князь Василий II расправился и с Максимом Греком из-за того, что эти люди его обличали. Ведь он насильно постриг свою жену в монахини и женился на Глинской, в нарушение церковных канонов. Так что это было сделано руками гражданской власти, а не священнослужителями.

Пессимист: Но разве это не “презлые иосифляне” предавали еретиков “градским властям” с целью их казни? Другой ваш святой, Геннадий Новгородский, тоже

приложил руку к этому. При нем еретиков посадили в деревянные клетки и возили по городу в берестяных колпаках! Их все оскорбляли и унижали, а потом сожгли!

Оптимист: Ну, это все католики! Там у него был такой приближенный, дьякон Вениамин, доминиканец. Он еще некоторые книги Библии переводил с латыни. Видимо, казнь еретиков — его идея, — подсоветовал архиепископу.

Семинарист: Думаю, сжигаемым еретикам было довольно-таки все равно, чья была эта идея — католическая, или исконно русско-православная...

Пессимист: Именно! Это зверства христиан, к каким бы конфессиям они не относились.

Оптимист: Церковные деятели и даже святые могли ошибаться в каких-то вопросах.

Семинарист: Ну да, случайно отдать на казнь несколько человек. С кем не бывает?

Оптимист: Тут важен вопрос мотивации. Я уже говорил, что многое зависит от системы ценностей. Если главная ценность — гуманистическая: земная жизнь и свобода человека, то тогда надо оставить еретиков в покое. Пусть себе занимаются прозелитизмом. Но если основная ценность — достижение Царства Небесного, вечная жизнь с Богом, то тогда все выглядит иначе.

Семинарист: Но значит ли это, что инквизиторы были правы, потому что руководствовались духовной пользой человечества? Почему Вы считаете, что христианство и гуманистические ценности несовместимы? Почему Царствие Небесное должно достигаться через кровь и преследование несогласных? Разве Христос об этом учил? А как же божественный дар свободы человеку?

Оптимист: Инквизиция — изобретение католиков! А католики...

Семинарист: Понятно. Еретики придумали сжигать еретиков. Так все прям понятно сразу! Только почему некоторые православные святые одобряли все это? Похоже, в Церкви всегда было два мнения по поводу того, что делать с ересью и еретиками. То же иосифлянство и нестяжательство. Чем жестче догматизм и нетерпимость, тем страшнее гонения на инакомыслие. И наоборот.

Оптимист: Причем терпимость к инакомыслию не обязательно связана с расслабленностью религиозной жизни. Заволжские старцы, сопротивлявшиеся иосифлянству, были пустынноиками и подвижниками, нестяжателями, смело противостояли царскому произволу.

Пессимист: Как по мне, казнь еретиков — это жест отчаяния. Когда епископы и священники, необразованные, погрязшие в богатстве и распущенности, не справляются со своей задачей переубедить инакомыслящих, они зовут на помощь гражданскую власть и казнят всех, кого не смогли уговорить. Мы и сегодня это видим в гонениях на иеговистов и сайентологов, еще этот ДСС, Энтео с его хулиганскими выходками...

Оптимист: При чем тут Энтео? Христианский правитель, осознающий свою ответственность перед Богом за свое отношение к Церкви, не может безучастно

смотреть, как Православие подвергается атаке и приходит на помощь. Одним прощением и милосердием с еретиками не справишься. Особенно, если еретики упорствуют, злоупотребляя милосердием и прощением христиан и продолжают губить души. Не будет ли правильнее, если гражданская власть в христианском государстве ограничит их зловредную деятельность? Сжигать это, конечно, черезчур...

Пессимист: Неужели Вы не понимаете, что чаша весов однажды качнется в другую сторону и на стороне гонимых снова окажутся христиане? Вы сами собираете себе угли на голову.

Семинарист: Что-то у меня глаз дергается. Кажется, начальство хватилось меня в семинарии и собирается подвергнуть казням за прогул молитвы...

Оптимист: И за чтение Эрмана!

Семинарист: Я убежал!

Семинарист мгновенно исчезает. Пессимист и Оптимист пожимают плечами и тоже расходятся.

Конец третьего разговора.